



Инвестиция предлагают режимы и льготы

Развитие Дальнего Востока невозможно без роста бизнес-активности, и российские власти стимулируют инвестиционный климат в ДФО за счет создания льготных режимов территории опережающего развития и Свободного порта Владивосток. Благодаря нововведениям, количество предприятий на Дальнем Востоке растет: статус резидента на ДФО получили более 400 компаний.

— деловой климат —

С 1992 года в России реализуется ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» — она рассчитана до 2025 года и нацелена на стимулирование экспортных возможностей. Для повышения бизнес-активности Минвостокразвития создало несколько институтов — таких как Корпорация развития Дальнего Востока, Фонд развития Дальнего Востока, Агентство по развитию человеческого капитала и Агентство по привлечению инвестиций. Бизнесу же предложены уникальные экономические режимы — территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ). Оба они предусматривают налоговые льготы и господдержку строительства инфраструктуры. За последние два года в рамках программы в ДФО созданы 18 территорий опережающего развития, 21 муниципальное образование Дальнего Востока вошло в состав территории Свободного порта Владивосток.

По данным Корпорации развития Дальнего Востока, всего в Корпорацию поступило более 800 заявок от потенциальных инвесторов почти на 2 трлн руб. с планами создать более 89 тыс. рабочих мест. Более 400 компаний уже получили статус резидента ТОР и СПВ, объем инвестиций составляет более 800 млрд руб. Реализация инвестпроектов позволит создать более 57 тыс. рабочих мест в регионе. При этом интерес к Дальнему Востоку проявляют не только российские предприниматели, но и иностранный бизнес из КНР, Японии, Кореи, Австралии, Сингапура, Казахстана, Италии и др. 19 инвесторов участием иностранного капитала стали резидентами ТОР, 21 зарубежная компания получила статус резидента СПВ.

«Быть инвестором на Дальнем Востоке выгодно. Любой инвестор может получить необходимую административную поддержку и официальный статус участника госпрограммы. Мы готовы разработать для проекта индивидуальную «дорожную карту» по мерам административной поддержки, решать конкретные проблемы, помогать в успешной реализации проекта», — говорит глава Минвостокразвития Александр Галушка.

В «одно окно»

Стать резидентом СПВ или ТОР имеет право любой предприниматель или коммерческая организация. Инвестору нужно подать заяв-

ку на заключение соглашения об осуществлении деятельности на территории Свободного порта Владивосток или ТОР на сайте корпорации (рассматривается в течение 15 дней). Специалисты оценивают эффективность бизнес-плана и финансовой модели, а также учитывают, требуются ли дополнительные затраты на строительство необходимой инфраструктуры. При положительном решении заявитель заключает с корпорацией соглашение о деятельности в ТОР или СПВ — и получает свидетельство резидента. Оба режима предназначены для предпринимателей и организаций, готовых инвестировать средства в развитие региона. Режим СПВ больше ориентирован на развитие интернациональных торговых связей — и строительство инфраструктуры в этом случае ведет резидент, а в ТОР инфраструктуру строят за счет бюджетных средств.

Корпорация существенно упрощает процедуры для будущих инвесторов: работа ведется в формате «одного окна». За каждым желающим получить статус резидента закрепляется персональный менеджер, который сопровождает заявку от подачи до запуска проекта. Управляющая компания содействует в разработке бизнес-плана, проводит консультации по налоговым и бухгалтерским вопросам, защищает интересы резидента в суде и обеспечивает готовую инфраструктуру (в рамках режима ТОР) и получение земельного участка без торгов (в рамках режима СПВ).

По словам генерального директора Корпорации развития Дальнего Востока Дениса Тихонова, преференции особых режимов привлекают инвесторов. «Если говорить о количестве заявленных и уже запущенных в работу проектов, то можно отметить мощное движение и предпринимательскую энергию. Со стороны бизнеса есть запрос на предоставление инвестиционных площадок, и, самое главное, растет уровень подготовки самих проектов, которые могут быть эффективными», — говорит он.

Динамика проектов подтверждает интерес инвесторов и эффективность капиталовложений на Дальнем Востоке. Так, в ТОР «Индустриальный парк „Кангалассы“» в Якутии (сравнительно небольшая площадка, где расположены предприятия малого и среднего бизнеса) один из резидентов компания «Бигэ» реализовала проект завода акриловых красок и древесно-полиэфирных покрытий с объемом инвестиций в 32 млн руб. Первая

ПРЕФЕРЕНЦИИ ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

ИСТОЧНИК: КРДВ



*В течение 5 лет 0% в федеральный бюджет, не более 5% в региональный бюджет.
**С момента постановки на балансовый учет в рамках деятельности резидента ТОР и СПВ.

очередь уже работает — на ней ведется производство высококачественных акриловых лакокрасочных материалов под марками ARCTIC, WOODEN и MagicPaint — пять тонн продукции в день. У группы компаний есть свои лаборатории, где специалисты работают над созданием инновационных продуктов, что, по мнению директора «Бигэ» Андрея Неустрова, весьма важно: это позволяет разрабатывать и внедрять собственные технологии с учетом особенностей региона. «Сегодня мы имеем два патента на производство теплоизоляционного покрытия и фасадной краски с теплоизоляционными свойствами. Преференции ТОР, в том числе по налогообложению, позволяют повысить рентабельность проекта на Дальнем Востоке, что влияет на конкурентоспособность продукции на внутреннем и внешнем рынках. Цена краски ниже привозной продукции в два-три раза. Благодаря льготам и преференциям срок окупаемости проекта сокращен на три года, с десяти до семи лет», — поясняет он.

На площадке «Ракитное» в ТОР «Хабаровск» работает завод по выпуску теплоизоляционных материалов и тепличное хозяйство, которое построила компания из Японии. В ТОР «Комсомольск» активно развивается лесоперерабатывающий комбинат. В Приморском крае в ТОР «Надеждинская» и «Михайловский», в ТОР «Камчатка», в ТОР Амурской области, Сахалина и Чукотки тоже реализован ряд крупных проектов. Если говорить в целом, то динамика и развитие есть во всех ТОР, что обусловлено главным принципом их создания. Инициативой создания ТОРов выступает бизнес, планирующий на этих площадках реализовать свои

проекты. Как заявили «Б» в корпорации, до конца 2017 года заработает около 80 новых предприятий в ТОР и СПВ.

Льготы и налоги

Среди прочих спецрежимов в ДФО работает и Свободная таможенная зона (СТЗ). Ее процедура является уникальной преференцией для резидентов ТОР и СПВ, по ней работают три резидента ТОР — масложэкстракционный завод «Амурский», судостроительный комплекс «Звезда» и компания «СК Босан», а также компания «О. Русский». Как заявили «Б» в КДРВ, СТЗ дает возможность размещать и использовать товары, помещенные в зону ее действия, в СЭЗ или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов и мер нетарифного регулирования, применяемых к иностранным товарам, и без ограничений, распространяемых на товары, привезенные из стран ЕАЭС.

Например, резидент ТОР «Камчатка» компания «СК Босан» создала зону таможенного контроля на производственном участке предприятия. Компания «СК Босан» совместно с резидентом «ЛСТК „Камчатка“» работают в ТОР «Камчатка» — это производство бескаркасных арочных сооружений (БАС) и домостроительный комбинат бустровозводимых сооружений на базе легких стальных тонкостенных конструкций (ЛСТК). По словам гендиректора компаний-резидентов «СК Босан» и «ЛСТК Камчатка» Андрея Горных, создание зоны таможенного контроля на предприятии стало важным решением. «Мы сэкономили значительные средства, которые смогли направить на реализацию второй очереди проекта. Следующим шагом в проекте планируем организовать

производство полистирол-бетона, применяемого как утеплитель и наполнитель панелей ЛСТК», — говорит он.

Один из инвесторов — производственная компания «Юбо-Сумотори» — отмечает, что действующий режим весьма привлекателен, поскольку позволяет окупить нерентабельные виды бизнеса в сокращенные сроки. Сегодня «Юбо-Сумотори» — резидент Свободного порта Владивосток и работает в нескольких областях. Компания реализует совместный с КНР проект по производству и дистрибуции грузовиков китайского бренда FAW в Приморье. Также в холдинге — российско-китайская компания «Агропромышленный кластер „Тай Юань“ и спортивно-туристический комплекс „Приморское кольцо“». «Резидентство на Дальнем Востоке пришлось весьма кстати: оно дает возможность льгот. Спортивный туристический комплекс „Приморское кольцо“ имеет много линейных объектов. При обычных налоговых ставках их строительство и окупаемость невозможны, поскольку спортивные объекты — это низкорентабельные объекты высокой стоимости. Срок окупаемости проекта „Приморское кольцо“ без преференций девять лет, а с учетом налоговых и таможенных преференций, которые дает статус резидента, мы окупим вложения за четыре года», — объясняет руководитель группы компаний «Сумотори» Виталий Веркеенко. По его словам, дальневосточное резидентство открывает массу возможностей и для совместного бизнеса с иностранными компаниями. Так, сейчас совместно с японскими партнерами российская сторона намерена реализовать проект по утилизации старых автомобилей на ТОР «Надеждинская». Участок земли площадью 3 га с инженерными сетями власти предоставили российским бизнесменам на пять лет по льготной арендной ставке. «Предприятие такого профиля имеет весьма низкую рентабельность, но предоставленные льготы помогут окупить и этот бизнес», — говорит господин Веркеенко.

Это только первые шаги, которые закладывают основу в развитии экономики Дальнего Востока в целом. Сегодня свои проекты в макрорегионе запускают крупные госкомпании — «Газпром» и «Роснефть». В Амурской области и Приморском крае идет строительство крупных предприятий по переработке углеводородов, что обеспечит глубокую переработку сырья и повысит конкурентоспособность российских продуктов нефти- и газопереработки прежде всего в АТР.

Как отмечает полпред президента в ДФО Юрий Трутнев, «создавая эти режимы, мы исходили из логики, что механизмы должны быть гибкими, а рамки широкими. Если есть инвестиционный интерес к территории, нужно создавать ТОРы, или расширять зону действия льготных режимов. Наша задача — создать максимально выгодные условия для работы инвесторов».

Анна Героева

Цифровое преобразование глобуса

— место на карте мира —

Во многом текущая ситуация вокруг макрорегиона — это результат определенной смены подхода: задачей достаточно крупных государственных и прогностических крупных инвестиций на Дальний Восток в последние годы уже не были комплексные решения абсолютно всех проблем регионального населения, а лишь решение собственных целей и задач вместе с предоставлением местному обществу и бизнесу новых возможностей для развития.

В том, что повестка ВЭФа в текущем году так насыщена «футуристическими» темами — от цифровой экономики до Международного арбитражного центра на Дальнем Востоке с участием крупнейших российских юристов и международных компаний, представителей Японии, Гонконга, специалистов ООН, можно усмотреть влияние общемировой моды. Если блокчейн, как нам объясняют, изменит правила игры во всем мире вот буквально завтра, то почему бы не обсудить, как блокчейн изменит портовый бизнес в Находке и возможности сетей быстрого питания в Магадане и Петропавловске-Камчатском, почему нет? В конце концов, цифровую экономику наряду с экспортными нефтепродуктами «Транснефти», угольными терминалами и космодромом Свободный обсудили и год назад, и два, да и десять лет назад. Проблема в том, что именно между 2016 и 2017 годами сильно и радикально менялось отношение ко всему тому, что экономисты и социологи называют «четвертой технологической революцией». К технологическим чудесам будущего на крупных экономических форумах всегда относились как к своеобразному «дезерту» к основным «тяжелым» инвестиционным блодам. Промышленная роботизация — прекрасно, давайте говорить о роботах, но сначала обсудим перспективы добычи редкоземельных металлов, распывку узких мест на БАМе и социальную политику в отдаленных регионах Дальнего Востока, проблема с поиском решений для которых ведет к депопуляции региона.

Сейчас же выяснилось то, во что раньше поверить было невозможно: будущее, которое все время наступало, внезапно взяло и наступило. Нет, пока не везде и не во всех секторах. Однако, например, проблема телекоммуникационных платформ на Дальнем Востоке в свете интернета вещей и сотовых сетей поколения 5G между 2016 и 2017 годами поменяла свой облик принципиально, как и еще десяток такого же рода проблем, ранее выглядящих исключительно частно-

стями, а теперь требующих достаточно определенного, ответственного и высокорискового решения. В этом свете неудивительно, что ВЭФ 2017 года откроется в том числе привлекательным словом губернатора технологически наиболее развитого сейчас региона АТР, американского штата Калифорния, Джеральда Эдмунда Брауна наряду с выступлением Юрия Трутнева, приветствием секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама по экономическим вопросам Нгуен Ван Бина, министра стратегии и финансов Южной Кореи Ким Дон Юна и главы МИД Индии Сушмы Сварадж. Идеологический и географический «фьюжн» открытия форума во Владивостоке отлично демонстрирует, что происходит: если в будущем Старого Света мы можем говорить хоть с какой-то уверенностью и считать его на один-два десятилетия вперед, то о будущем Азиатско-Тихоокеанского региона имеет смысл говорить иначе, другими словами и в другом ключе. И поскольку российский Дальний Восток (в том числе усилиями последних четырех-пяти лет) достаточно уверенно превращается в глазах его обитателей из отдаленной колонии-окраины европейской части РФ (менее обитаемой, чем Урал и Сибирь, еще менее освоенной) и поэтому имеющей еще более интересные, но более отдаленные перспективы развития) в часть одного из самых интересных макрорегионов мировой экономики.

Дело в том, что АТР и вместе с ним российский Дальний Восток — территория, в которой, возможно, сценарии развития будут совершенно иными, чем в исторических центрах мировой экономики. Виноваты в этом и география, и особенности развития технологий, и чисто социальные процессы во всем мире — АТР совершенно не обязан в новых условиях быть периферией Европы и США с их устоявшимся взглядом на мир. Напротив, предстоящие десятилетия — это время, в течение которого определяется, что именно в мировую экономику внесут миллиарды людей, основным центром места проживания которых является Тихий океан.

О каких тектонических изменениях может идти речь? В первую очередь экономистов в этом случае может интересовать дальнейшая стратегия индустриализации АТР в свете технологической революции. До начала XXI века все было более или менее ясно: главным ресурсом региона (помимо первоклассных природных ресурсов, особенно в случае с российским Дальним Востоком) является рабочая сила, способная обеспечивать растущие потребности мировых цен-

тров в сырье, в продукции металлургии, в энергоносителях, в машиностроении, в относительно низкотехнологичных деталях и компонентах. В обмен на эти ресурсы в самом широком смысле этого термина АТР, как предполагается, должен получать решение своих самых насущных инфраструктурных и социальных проблем, а население АТР — удовлетворение потребностей в стандартах жизни, формируемых в развитых экономиках (плюс, как негласно предполагали эти конвенции, продовольствие: демографическая ситуация в АТР отлична от Европы и США — население растет, в отличие от пригородов для сельского хозяйства объема агроземель и водных ресурсов). Эта конвенция и по сей день остается в силе. Однако «Индустрия 4.0» принципиально отличается по своему устройству от «Индустрии 3.0». Она на порядок более децентрализована, она является более сетевой и в меньшей степени зависит от «большой географии».

Если еще десять лет назад Вьетнам, Индонезия, Австралия, Россия, страны Латинской Америки все еще рисовали на картах условное месторасположение собственной Кремневой долины, способной конкурировать с Калифорнией, то сейчас этим заняты лишь очень консервативные люди. Кремневые долины следующих десятилетий располагаются, в сущности, нигде — теоретически можно быть ее резидентом, находясь на отдаленном острове в Южно-Китайском море, в Улан-Баторе или в тайге под Верхоянском: если у вас есть коммуникация с соседом (не важно, в каком часовом поясе) — вы можете быть частью мира.

Впрочем, нет, география тоже важна, но она также принципиально меняется. С Юго-Восточной Азии в мире в последние 15 лет началась авиатранспортная революция, показавшая, как авиасообщение может превратить мир, в котором регулярными приемлемыми по цене перелетами связаны лишь мегаполисы, в мир, где перемещение на тысячи километров людей и грузов — рутинная задача в онлайн-режиме. Менее видимой была логистическая революция: мир морских и железнодорожных перевозок очень много выиграл от цифровизации и новых технологий управления. Роль транспортных коридоров изменилась: из «проектов политической воли» они стали «проектами коммерческой неизбежности» — там, где они необходимы, они создаются, несмотря на политические, культурные и экономические различия, просто потому, что это нужно уже не правительствам двух стран, а сотням миллионов потребите-

лей. Транспортная связность АТР — это уже сейчас фундамент экономики не менее технологичной, чем в Европе.

В новой экономике принципиально иначе выглядит роль предпринимателя, и в Азии она пока не определена, но можно достаточно уверенно говорить в том, что чисто «европейские» подходы к инвестпроектам в АТР полностью не дублируются, а местные технологии достаточно адаптивны и конкурентоспособны. Близость научной и технологической сфер, диктуемая устройством этих сфер преимущественно в США, заставляет думать о том, как будут выглядеть университеты в АТР, однако наступающая на пятки университетским профессорам революция дистанционного образования, революция «образования в течение всей жизни», новые технологии обучения в промышленности ставят под вопрос будущее общепринятой модели. Если же учесть, что ученые родом из КНР, Индии, России, Вьетнама вполне освоили новый стиль жизни, в котором американский или европейский университет — это не всегда конечная локация их центра жизненных интересов, а во многих случаях лишь стартовая точка или одно из мест приложения сил наряду с другими возможностями, все становится еще неопределеннее и еще интереснее.

Но и это еще не все. Даже в России, стране достаточно консервативной с точки зрения географической, именно между 2016 и 2017 годами появились странные еще десятилетия назад, но вполне понятные, хотя пока еще и туманные взoreния на будущее собственного дома. Нет, урбанизация и переселение населения из провинции в крупные города никогда не подавались: мегаполисы остаются будущим всего интересного, что происходит в экономике. И телекоммуникационная, и транспортная гибкость, и информационный взрыв, и культурные изменения привнесли в эту центристичность особую ноту: это не навсегда, человек всегда может изменить решение о том, в какой точке мира он намерен работать и жить. Программа «дальневосточного гектара» (см. стр. 6), кстати, лишь немного показала, как это будет меняться дальше: чем более связным будет Дальний Восток в частности и АТР в целом, тем больше людей будут видеть в любой точке макрорегиона место, где можно с пользой для себя прожить очередное десятилетие, а затем придумать что-то новое.

Де во всем этом puzzle, который пока только не собран даже на треть, российский Дальний Восток? В сущности, где угодно, поскольку теперь речь идет буквально о втором шансе на перераспределение его места на

карте мира. Процесс этот будет происходить не год и не два: ВЭФ и в 2018, и в 2025 годах будет обсуждать те же инновационные и футуристические тематики, но все более и более предметно. Все, что ранее было непреодолимыми препятствиями, может обратиться в ключевые преимущества — главным для новой экономики ближайших десятилетий остаются инфраструктура и ресурсы, но они дополняются человеческим капиталом, культурой, опытом управления и экологическими условиями. Последнее особенно важно — экономикой предыдущего типа довольно существенно ограничили этот вид ресурсов, растущий в цене и востребованности. Но еще более важны сообщество и социальная гибкость: к радужной картине «светлого технологического будущего» добавляются убедительные проблемы роста числа религиозных и социальных конфликтов в развитом мире, и это увеличивает потенциальную ценность новых территорий и их сообществ, где все будет иначе.

Исторические аналогии всегда хромают, будущи понятия буквально: вряд ли кто-то из историков в 2100 году скажет, что развитие АТР 50 лет назад можно сравнить с Соединенными Штатами второй половины XIX века, с Диким Западом и его пионерами, с индустриализацией Атлантического побережья. Несомненно, все будет совершенно иначе, в том числе на российский Дальний Восток — «золотая лихорадка», «освоение просторов» и «взлет больших городов» умеют выглядеть тысячей разных обликов. Понятно одно. Все, что мы знаем сейчас о будущем Дальнего Востока, вновь довольно условно. Реализовывать его потенциал по схемам XX века — занятие в основном бесплодное и малопродуктивное. Лотерейный билет для Дальнего Востока России сейчас покупать, и оплату, видимо, следует продолжить — в условиях такого масштаба мировых перемен потенциальный приз быстро растёт.

И хотя мы не знаем, что в нем, участникам ВЭФа стоит поговорить о том, что вообще может происходить в этой отдаленной части России, если отбросить накопившиеся за десятилетия стереотипы и условности. Что значит «Дальний»? Что значит «Восток»? С какой стороны мы смотрим — и на что? Время летит быстро, центр мира способен, как мы узнавали в последнее десятилетие, перемещаться с удивительной для прежних представлений об истории скоростью. Вы уверены, что фокус не переместится именно сюда, на Тихий океан? Пока никто не знает, но многие уже работают с этим фокусом.

Дмитрий Бутрин